

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ СТИХИ

■ ■ ■
БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
№ 33
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б)
«ПРАВДА»
МОСКВА — 1939

ЕВГ. ДОЛМАТОВСКИЙ

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ СТИХИ

Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“

Москва — 1939

Отв. редактор А. Е. НИКИТИН. Техред М. ЗЕЛИНСКАЯ.
Издательство ЦК ВКП(б) «Правда». Изд. № 727
Уполномоч. Главлита А—10881 Зак. тип. 1090 Тир. 50.000.
Статфор. А—105×148 мм. 1½ п. л. Кол. зн. в п. л. 46.800
Кн. сдана в набор 19/V 1939 г. Подп. к печ. 23/VII 1939 г.
Тип. газ. «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ИСТРЕБИТЕЛЬ

Ветер Приморья, туман Камчатки
Нас наполняют отвагой фронтов.
Летчик наденет шлем и перчатки,
Сядет в кабину, скажет — готов!
Когда на рассвете спешим на работу,
На безмятежной дороге трав
Стоит истребитель, готовый к взлету,
Крылья короткие распластав.

Запах бензинного перегара,
Пыль новостроек летит на нас.
За поворотом земного шара
Наши любимые спят сейчас.
У них весной тревога зачетов.
Другой тревоге учит устав:
Стоит истребитель, готовый к взлету,
Крылья короткие распластав.

Вечер дома обовьет туманом,
Листья зашепчутся в тишине.
В сопки пойду по цветам багряным
С миром беседовать наедине.

Дали осыпаны позолотой,
Катится солнца горячий сплав.
Стоит истребитель, готовый к взлету,
Крылья короткие распластав.

Ночью играет оркестр на Амуре,
Снова прожектор лучист и далек.
Все мы живем ожиданием бури.
Правда и верность — победы залог.
Будь благодарен за эту заботу,
За то, что всегда у наших застав
Стоит истребитель, готовый к взлету,
Крылья короткие распластав.

ПИСЬМО

Вчера пятнадцать шли в наряд.
Четырнадцать пришли назад.

В одной тарелке борщ остыл..
Обед был всем бойцам постыл.

Четырнадцать ложились спать,
Была пуста одна кровать.

Стоял уставший от хлопот
У изголовья пулемет.

Белея в темносиней мгле,
Письмо лежало на столе.

Над недописанной строкой
Сгущались горе и покой.

Бойцы вставали поутру
И умывались на ветру.

И лишь на полочке одной
Остался порошок зубной.

В штаб экспедитор шел пешком
С незапечатанным письмом.

О, если б вам, жена и мать,
Того письма не получать!

ПЕСНЯ О ГОРОДЕ ЭНСКЕ

Вижу город в садах над рекою,
Укрепленье труда и покоя.

Он ветрами омыт, ветерками,
Он утрами горит и сверкает.

Он всегда, боевой, на работе.
Вы на карте его не найдете.

Не найдете его, не ищите,
Он всегда, грозовой, на защите.

Там ребятам служить по два года
И с погодой дружить, с непогодой.

Там под Энском стоят наши части,
Нашей силы отряд, наше счастье.

Коль обрушатся бури и войны,
Все в порядке там, будьте спокойны.

Только девушек в городе мало,
И от этого грустно бывало.

ЛЕБЕДЕНОК

Ночные прожекторы видели
Заката багровую ленту.
Построившись в ряд, истребители
Уснули под мокрым брезентом.

Усталость пришла после ужина,
И каждому разное снится.
Но летчики были разбужены:
Кричала какая-то птица.

Так жалобно, призывающе
И, кажется, рядышком, близко.
Уснуть невозможно, товарищи,
От этого детского писка.

Со спичками вышли навырочку,
Ворча и ругаясь спросонок.
Расправив подбитое крылышко,
Лежал на траве лебеденок.

Нежданного полуночника,
В палатку внеся осторожно,
С ладоней бензиновых летчики
Кормили ватрушкой творожной.

Один тут лекарства притаскивал,
Другой уносил их обратно,
Они помогли ему ласково,
Как будто больному собрату.

Поспал лебеденок, оправился,
И утром туманным и серым
За стаей он к югу отправился,
А мы улетели на север.

Не разлюблю тебя я никогда.
Не потому, что юности года
Прошли мы вместе по цветам и травам,
Не оставляя за собой следа,
Не потому, что синим и кудрявым
Был на рассвете щебетавший сад,
Где целовал я твой веселый взгляд,
Прямых ресниц почти что не касаясь,
И был смущен, как будто виноват,
Когда вела нас улица косая
К твоей калитке.
Знаешь, я бы мог
Забыть все это, выйдя за порог
Еще неясных, первых впечатлений
И юных неоправданных тревог.
Но в нашей жизни был денек осенний,
Когда мы шли на Северный вокзал...
И все, что я тебе не досказал,
Выстукивали быстрые колеса.
А я у мокрого окна стоял
И от одной горячей папиросы
Закуривал другую.
А потом
Поднял меня артиллерийский гром,

И я со взводом вышел под обстрелом
И блеск штыков увидел за бугром...
И ты все утро на восток смотрела,
И ровный свет твоих зеленых глаз
Не одного меня, а многих нас
В сражение вел и делал храбрецами:
Он был спокоен, ясен как приказ.
Да, ты была во всех атаках с нами,
Забыв свое нелегкое житье,
Тоску и одиночество свое...
Будь навсегда среди огня и дыма
Как воинская клятва нерушима,
Любовь моя!
Ты мужество мое.

ЗЯТЬ

Повадился с заставы пограничной
Ходить начальник к нам по вечерам.
Такой спокойный, строгий и приличный,
Еврей иль русский, я не знаю сам.

Все Аню поджидал.
У нашей Ани
В глазах библейский ласковый покой.
Наверное, во всем Биробиджане
Не сыщете красавицы такой.

Вчера пришел.
Не говорит ни слова.
Медовый пряник с миндалем принес
Вдруг спрашивает:
— Аня, ты готова?
И тут она краснеет до волос.

Я вижу их неловкость и смущенье,
Прощаю дочь любимую свою,
Потом отцовское благословенье
Товарищу начальнику даю.

Теперь живу я с ними в новой хате,
Но мне никто совета не дает:
Начальником мне звать такого зятя
Иль просто Васей, как она зовет.

БРАТСКАЯ МОГИЛА

У реки пограничной бойцов-партизан положили
В красноватом суглинке рядами, как будто в строю,
И оградой колючею маленький холм окружили,
Написали на камне: «Погибли в неравном бою».

Заполняя места, молчаливо построились взводы,
Стерли слезы со щек, опаленных в походном дыму.
И отправились дальше, Диттерихса громить, воеводу
(Воевода был немец, японцы платили ему,

А земля наша русская
Много терпела ударов,
Наша каждая пядь, наша каждая сопка и падь.
Здесь Поярков ходил, здесь ходил Ерофейко Хабаров,
Здесь проходят сучанцы, чтоб землю свою отстоять).

Не дошедшие к морю в могиле остались солдаты...
И пятнадцать годов броневую грозою прошли.
Над могилою старой опять зазвенели лопаты,
Полетели наверх красноватые комья земли.

Опустили в могилу два цветами обвитые гроба,
Два исколотых трупа двоих синеглазых ребят.
Были храбрые оба, бойцы-пограничники оба,
Двое встретили пулями целый японский отряд.

Мы и в жизни и в смерти неразрывное, кровное
братство.

Мы стоим на заставе — и юноши и старики.
Нам, наверно, придется еще основательно драться,
Но не здесь, где могила, а там, за чертою реки.

ГЕРОИ

Легко дыша серебряной зимой,
Товарищ возвращается домой.

Вот техникум. Вот здесь жила она,
Уже, пожалуй, чья-нибудь жена.

Вот, наконец, и материнский дом,
Колючий садик, крыша с петушком.

Он распахнул тяжелую шинель,
И дверь за ним захлопнула метель.

Роняет штопку, суетится мать.
Какое счастье сына обнимать!

Есть у нее и дочки и сыны,
А этот назван сыном всей страны.

Но ей одной сгибаться от тревог
И печь слоеный яблочный пирог.

...Снимает мальчик свой высокий шлем,
И видит мать, что он седой совсем.

ЧУЖОЕ НЕБО

Везли мы почту на озеро Ханка,
Над облаками шли.
Здорово мучила нас болтанка —
Туман до самой земли.

Потом облака полнеба закрыли,
Земля улетает прочь.
Крупные капли бегут по крыльям,
И наступает ночь.

Я неготов был итти вслепую...
А тучи стоят у глаз.
Чувствую только усталость тупую,
Сразу сбавляю газ.

Вдруг в облаках разорванных вижу
Движущийся огонь.
То он дальше, то он ближе.
Кладу на рычаг ладонь.

И вот опять высоту набираю.
Трудный ревет подъем.
Это огонь самолета.
Знаю:
Не пропадем вдвоем.

Лечу за своим неизвестным другом
И все не могу догнать.
Север на компасе спорит с югом.
Тучи растут опять.

Кричит пассажир мне:
— Боязно что-то,
Можем попасть в беду;
За хвостовой огонь самолета
Приняли мы звезду!

И снова тьма: ни огня, ни зарницы,
Липкий туман кругом.
А вдруг мы сейчас уже заграницей,
В небе летим чужом?

Словно на полюсе, холодно стало,
В ушах закачался гул.
Горючего в баках осталось мало,
Но вниз итти не могу.

Страшное, черное небо чужое,
Узкий, злой небосвод.
В небе чужом коммунистов двое,
Почта и самолет.

Лечу на север. Сердце тоскует,
Мотор начинает шалить.
Это правда: в минуту такую
Можно жизнь пережить

И поседеть...
Я сквозь грохот слышу
Близко собачий лай:
Мы пролетели над ветхой крышей,
Чуть не задели сарай.

Будь что будет! Пустили ракету...
Собравши остатки сил,
Прямо на улице, у сельсовета,
Я самолет посадил.

Бегут ребятишки. В памяти детской
На долгие годы след.
Стою на земле.
На своей.
На советской.
А большего счастья нет.

ШОФЕР

По замерзшей реке он повел грузовик сквозь пургу.
Буксовали колеса. Машина застряла в снегу.

До утра он промучился. Злился, ругался — беда!
На исходе бензин, в радиаторе стынет вода.

Снег валил и валил. Бесплезную бросив борьбу,
Он пошел наугад и набрел на дымок, на избу.

Недоросток-девчонка поила его молоком
И задорно и грустно в глаза заглянула тайком.

Он вернулся к машине. И стало до горечи жаль
Покидать это место. Тогда он нажал на педаль,

И пошел грузовик, хоть дорогу совсем замело:
Видно, силы шоферу прибавило взгляда тепло.

Он четырежды ездил по этой дороге опять,
Но девчонки глазастой ему не пришлось повстречать.

СТОЙБИЩЕ УРМИ

Жилка этой реки
Не сумела пробиться на карты.
Псы в упряжке бегут,
Синеватый вдыхая мороз.
Семь учебников алгебры
Крепко привязаны к нарте.
Синеглазая девушка
Едет средь черных берез.

Ты давно ль научилась
Так мчаться дорогой неровной,
Громким окриком «Хо!»
Усмиряя собак на бегу?
Как успела из Анки
Ты сделаться Анной Петровной,
Как январскою ночью
Ты едешь одна сквозь тайгу?

Вот и стойбище Урми.
Сушеная рыба — юкола —
Возле темных домов
Под холодной, холодной луной.

Входит Анна Петровна
В «неполную среднюю школу».
...Пахнет рыбой и хлебом,
Морошкой и свежей сосной.

Поднимается Анна Петровна
На позднем рассвете,
Пробужденная шарканьем
Мехом обернутых ног.
И ее окружают
Нанайские смуглые дети...
Сняв учебники с нарты,
Она начинает урок.

На большой перемене
Мальчишки колдуют с виктролой
И заводят пластинку.
И вот из неясных глубин
Входит в комнату голос,
Протяжный, родной, невеселый,—
Это русская песня,
Которую Ленин любил.

Зимний день на исходе.
Морозно. Тропинкою хрупкой
С голубыми тетрадками
В школу идут старики.
Крепкоскулые женщины
Курят тяжелые трубки.
Вся их жизнь утекла
По теченью таежной реки.

За столами сидят они,
Словно притихшие дети.
К потолку поднимается
Сизый махорочный дым.
Об испанских событиях
И о Верховном Совете
Будет Анна Петровна
Сегодня рассказывать им.

Я в глаза этой девушки
Стану смотреть осторожно,
Чтоб найти на минуту
Твои дорогие черты.
Ведь она на тебя
Чем-то очень далеким похожа.
Хорошо б, на нее
Походила немного и ты...

Коль взгрустнется тебе,
Или сердце забьется неровно,
Потеплее оденься,
На лыжах в леса побеге,
Вспомни стойбище Урми,
Веселую Анну Петровну,
Синеглазую девушку
Дальневосточной тайги.

МЕТЕОРИТ

Тайга как будто танками разрыта,
Глубоким клином выжжен бурелом.
Пылающий удар метеорита
Прошел насквозь, навывжег, напролом.

Мы шли сюда по марям и болотам...
Природа первозданная цвела.
И только дважды тень от самолета
У наших ног бесшумно проплыла.

Вокруг качался лес зеленоглавый,
Да речка неизвестная текла.
Здесь мы нашли кусок лиловой лавы,
Холодного небесного стекла.

Лысеющий доцент из Ленинграда
Готовился к научному докладу,
А молодой отряд комсомольчан,
Столпившись около него, молчал.

(Наш путь — обратно в город на Амуре,
Что назван Комсомольском на любви.
Пожалуйста, на этом каламбуре
Моих друзей таежных не лови!)

Трещал костер. И я смотрел на звезды
И видел вновь, как наш метеорит
Проносится коме ой краснохвостой,
В тайгу влетает — и тайга горит.

Чем больше звезд над нами проносилось,
Тем явственнее чувствовали мы
Тепло земли, ее ночную сырость,
Ее леса, овраги и холмы.

ИНЖЕНЕР

Праздничный лист диплома
Чего ни сулит ему!
Но ветер зовет из дома —
Он едет на Колыму.
Бушующею порою
С винтовкой и кайлом
Идет инженер Дальстроя
Сквозь воющий бурелом.
Потом у костров тревожных,
Усталый, валится с ног.
Он ест свой ужин дорожный:
Консервы и злой чеснок.
Пещер и палаток житель —
Ушанка, плащ, сапоги,
Дорожник, горняк, строитель,
Начальник седой тайги.
Раз в месяц он приезжает
В светящийся Магадан.
В кино трещит и мигает
И песню поет экран.
Он сутки сидит в читальне,
Плечами не повернуть!
И снова холодный, дальний,
Повитый тревогой путь.

Шагая по свежим вехам,
Он думает иногда:
«Какого он чорта ехал
Из шумной Москвы сюда!
Скорей бы, скорей вернуться...»
И вот наступает срок,
Платки на пристани выются,
И близок Владивосток.
...Дыма тяжелая грива
У поезда на голове.
Грохочущий и счастливый,
Подходит экспресс к Москве.
Москва оглушит инженера,
Закрутит, затормошит.
Метро, магистрали, скверы
И новых мостов гранит.
Он смотрит спектакли МХАТ'а,
Он едет на крымский юг.
Но замечают ребята,
Что ночью их старый друг
Тянет из-под кровати
Пудовые сапоги
И штопает рыжий ватник,
Хранящий следы тайги.

* *
*

Отправляются мужья в полет,
Жены остаются на пороге.
Синие воздушные дороги
Безответны, как январский лед.

Развернувшись, курсом на рассвет
Смелые подруги улетают.
Серебристый контур птицы тает,
И теперь мужья глядят вослед...

САДОВОД

Он с юга привез большую жену
И четверых ребят,
В тайгу ушел он как на войну,
Не оглянувшись назад.

Он жил средь солнца и синевы,
С годами любя сильней
Вечную битву зеленой листвы,
Единоборство корней.

Шагая сквозь Уссурийский край,
Ночуя в чужих домах,
Он видел во сне таежный рай —
Яблоки на ветвях.

На берегу пограничной реки
Разбил он завтрашний сад,
Яблонь и вишен привил дички,
Стал приручать виноград.

Пыльцу из Тирасполя выписал он,
Чтобы отдать цветам.
Жук-цветоед и японский шпион
Ползли за ним по пятам.

Он отыскал, уничтожил врага,
Но не пришел покой:
Четырежды ветви ломала пурга
Своей ледяной рукой.

Заговор ливней и холодов
Тянулся десять годов,
Но край, не знавший своих плодов,
Почуял запах садов.

Повеселел садовод, взрастив
Этот жестокий сад.
Как старая яблоня, стал он крив,
Как берег реки, горбат.

. . . . .

Яблок тяжелые кулаки
Сурово занесены:
Стоят на том берегу реки
Солдаты чужой страны.

ПЕСНЯ ХЕТАГУРОВОК

(Из фильма «Девушка с характером»)

Идут составы дальние,
Звонят слова прощальные.
Пусть много есть широких
И солнечных дорог,
Но лучшая дорога
В края, где дела много,
    На близкий и любимый
    На Дальний Восток.

В минуту расставания
Скажи мне до свидания.
Уже шумит над нами
Дорожный ветерок.
Идем на стражу мира
К бойцам и командирам
    На близкий и любимый
    На Дальний Восток.
К борьбе, к работе, к бою
Зовем друзей с собою.
Открыты семафоры,

В простор летит гудок.
В жару, в дожди и вьюги
Всегда пойдут подруги
    На близкий и любимый
    На Дальний Восток.

Веселыми бригадами,
Девичьими отрядами
Мы едем в край суровый
Работы и тревог.
И, если надо, жизни
Мы отдадим отчизне
    За близкий и любимый
    За Дальний Восток.

РАДИСТКА

Мы провожали в бурную дорогу
Трехтрубный пароход Севморпути.
По мокрым доскам к Золотому рогу¹
Весенним утром хорошо итти.

Мы принесли цветы радистке Оле
(И каждый спрятал карточку в карман).
Мы с ней росли, учились вместе в школе,
Теперь она уходит в океан.

Второго мая, в пять минут шестого,
Пришла к нам весть из океанских вод:
Вчера японской стражей арестован
И уведен советский пароход.

И нет от нашей Оли чернобровой
Ни весточки короткой, ни письма.
Моя подруга с улицы Тигровой,
Темна тюрьма, сыра твоя тюрьма!

Сперва японцы предлагали иены,
Им нужен только шифр радиограмм.

---

¹ Золотой рог — залив во Владивостоке.

Но смерть для нас стократ светлей измены,
И нашей правды не узнать врагам.

Ей прижигали руки папирсой,
Водили черным браунингом у глаз.
Известны нам японские допросы —
Сергей Лазо сгорел, но не погас.

А время шло стремительно.
Едва ли
Мы в мае том заметили весну.
От моряков приезжих узнавали,
Что наша Оля все еще в плену.

Трехтрубный пароход пришел сегодня.
Сейчас она появится. Но вот
Трясущуюся женщину по сходням
Матрос Архипов под руки ведет.

Она прошла сквозь сутолку причала
И улыбнулась, увидавши нас.
«Не думайте, ребята! Я молчала...»
А слезы сами катятся из глаз.

. . . . .

Когда придется мне над островами
Вести бомбардировщик скоростной,
Я расплачусь огнем, а не словами
За то, что там глумились над тобой!

БУХТА СЧАСТЬЕ

На море есть маленький остров,
Прибой там вздыхает сильнее
И волны чернеют у острых,
Обрызганных пеной камней.

Никто этот остров не знает,
Наверно, ты там не бывал,
Лишь лоцман его замечает
И руку кладет на штурвал.

Охотского моря туманы
Гряда за грядою плывут.
Бойцы пограничной охраны
В бревенчатом доме живут.

И женщина в старых бахилах
Дарит их заботой своей,
Как самых любимых и милых,
Как будто родных сыновей.

А где-то за верстами, где-то
За мутной стеной непогод
Серебряный трепет рассвета,
Тяжелого сокола взлет...

Очки поплотнее надвинув,
Пилот у приборов сидит,
И, шар головы запрокинув,
Земля за полетом следит.

И только на карте пилотской
Скупым обозначен кружком
Тот остров на море Охотском,
Где тихий бревенчатый дом.

Одни перелетные птицы
Здесь жили на скалах седых...
На маленький остров садится
Машина отважных троих.

Бегут в изумленье встречать их,
Ведут самолет за крыло,
И сталинских рукопожатий
Берут из ладоней тепло.

Стоит самолет краснокрылый,
Ледовую коркой одет.
Старуха в тяжелых бахилах
Пилотам приносит обед.

Бойцы пограничной охраны
В бревенчатом доме живут.
Охотского моря туманы
Гряды за грядами плывут.

СЛУЖИТЕЛЬ МАЯКА

Расскажи мне что-нибудь, дружище,
Все равно дорога далека.
Рвутся снасти, острый ветер свищет
Нас маяк тревожным глазом ищет.
Расскажи мне повесть маяка.

...Год войны. Маяк стоит в дозоре
А вдали колонною прямой
Крейсера идут на наши зори,
Флаг, который солнце опозорил,
Над стальной взвивается кормой.

Двадцать лет маяк сиял над морем,
Освещая путь на двадцать миль,
А сегодня мы еще поспорим,
Мы еще пойдем на битву с горем...
И служитель погасил фитиль.

Крейсер, ослепленный темнотою,
Сбился с курса и гудком завыл.
Лестницей гремучей винтовую
Шел служитель. Он не слышал воя,
Пенковую трубку он курил.

Офицер береговой охраны
На маяк с командой прибежал.
Он кричал, что крейсер иностранный
Ждет сигнала. Бился ветер пьяный,
А служитель маяка молчал.

Как победу, смерть свою встречая,
Тихо он стоял на берегу.
А потом промолвил: — Шторм крепчает,
Как зажечь маяк, никто не знает,
Я его сегодня не зажгу.

И упал он рядом с океаном,
На эскадру опрокинув мрак,
Там, где мы идем на зло туманам,
Где дорога бурная светла нам,
Где сигналил со скалы маяк.

ОГНИ ВЛАДИВОСТОКА

Весь мир бурливым следом опоясан
От порта Ленинграда на Восток,
Знакомый берег все еще не ясен,
Но вот мерцает первый огонек.
Своей земли не видели полгода,
Волна листала книгу дальних стран
Еще бушует зимней непогодой
Великий, или Тихий, океан.

Стоит звезда высоко-превысоко,
На старых сопках синие снега.
Холмы Владивостока,
Огни Владивостока,
Родные берега!..

Наполнен город песенкою детской,
Ее мотив я слышал так давно...
Моряк танцует в клубе на Посьетской,
С друзьями пьет испанское вино.
Военный марш играют музыканты,
И дарит боцман девушке значок,
Ему врученный в дальнем Аликанте –
Серебряный холодный кулачок.

Кружится, вьется золотистый локон,
Такая встреча сердцу дорога.
Холмы Владивостока,
Огни Владивостока,
Родные берега!..

Сошедшие сегодня с парохода
Взволнованы плечистые друзья
Судьбою черноглазого народа,
Такой же дорогою, как своя.
Испанский ветер обдувает ванты.
Седой рассвет встречают моряки,
И, словно кулачок из Аликанте,
Сжимаются большие кулаки.

И к берегам Испании далекой
Опять уходит пароход «Байга».
Холмы Владивостока,
Огни Владивостока,
Родные берега!..

БУХТА ОЛЬГА

Стояли мы на палубе, любуясь
Огромным солнцем, восходившим тут.
Мы знали: эту бухту голубую
Девичьим нежным именем зовут.

Должно быть, так ее назвал влюбленный —
Кому б другому в голову пришло
Назвать так просто этот мир зеленый
И дальних сопок темное крыло!

Мы уносились мыслями своими
За сопки, за просторы, за тайгу,
И каждый вспомнил дорогое имя,
Оставленное там, на берегу.

Смотрели в отдаленье голубое,
Не опустив прощального платка,
Строители, радисты, китобои,
И лейтенанты Энского полка.

Они придут на берег океана,
Построят все, что снилось, наяву.
Форты и башни назовут Светланой...
А я свой город Софьей назову.

Давно отгремели с Востока составы,
Покрыв гимнастерку твою нафталин.
Трамваем езжай до Калужской заставы,
Где в город врывается ветер долин.

И слово родное вокруг заструится,
Как ветер по прядям отросших волос,
Ты вспомнишь тревогу манчжурской границы,
И нашу заставу Орлиный утес.

Здесь все не такое, здесь все непохоже
На домик в лощине, на каменный мол.
Зачем загрустил? Почему ты встревожен?
Зачем не на той остановке сошел?

Зеленые липы покажутся справа,
Пойдут городские строения вспять.
Ты слово «застава», «застава», «застава»
Одними губами начнешь повторять...

ДРУЗЬЯМ

На свете поговорка есть —
Из древности седая весть.
Она гласит, что старый друг
Бывает лучше новых двух.
Но должен я поспорить с ней.
Я утверждаю, что она
К друзьям моих приморских дней
Не может быть отнесена.

Вдоль океана в январе,
На чуть синеющей заре,
В пальто осенних, налегке,
Мы мчались на грузовике.
Меня продрогший Александр
Сухим брезентом накрывал.
Сквозь этот ледяной скафандр
Я видел океанский вал.

Маяка ¹ меркнувший поток
Нам осветил Владивосток,

---

¹ Ударение, употребляемое моряками.

А койку мог бы я едва ль
Найти в гостинице «Централь»
Тогда, и сколько раз потом,
Я ночевал у вас в доме,
И был похож ваш утлый дом
На пароходную корму.

Когтей камчатского орла
Для украшения стола
Я больше не видал нигде
На нашей утренней звезде.
Как светит в комнатах у вас
Убранство штурманских кают
И радует усталый глаз
Для странствий созданный уют!

Меня, когда я уезжал,
Никто из вас не провожал.
Я не обиделся ничуть —
Короче стал мой дальний путь.
А китобой Пикула был
Огромен и радушно груб.
Он на прощанье подарил
Мне толстый кашалотий зуб.

Так, в середине января,
О дружбе слов не говоря,

Дружили искренно, до слез,
Быть может, первый раз всерьез,
Мы жили собственным теплом
И улыбались потому,
Что был похож ваш утлый дом
На пароходную корму.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
Истребитель	3
Письмо	5
Песня о городе Энске	7
Лебеденок	8
Не разлюблю тебя я никогда	10
Зять	12
Братская могила	14
Герой	16
Чужое небо	17
Шофер	20
Стойбище Урми	21
Метеорит	24
Инженер	26
Отправляются мужья в полет	28
Садовод	29
Песня хетагуровок	31
Радистка	33

Бухта Счастье	35
Служитель маяка	37
Огни Владивостока	39
Бухта Ольга	41
Давно отгремели с Востока составы	42
Друзьям	43

Цена 20 коп.